

**Алексей Николаевич Прядилов вспоминает:
“Мне мама объяснила, что за такие вещи могут арестовать.”**

Алексей Николаевич Прядилов родился в 1927 г. В возрасте 16 лет был арестован вместе со своими школьными друзьями за издание рукописного сатирического журнала “Налим”. Провел в лагерях и ссылке 13 лет.

Детский рукописный сатирический журнал “Налим” и его авторы

Значит, в 41-м году, после начала войны, нас, ребяташек, ну, мне тогда было 13 лет. Нас, ребяташек, отправили в Павлово, в эвакуацию.

И когда я учился в 8-м классе, я познакомился с ребятами, которые выпускали рукописный журнал «Налим». Я учился в 8-м, они учились в 9-м.. Это Юра Храмов и Сева Горшков. История этого журнала начиналась в 40-м году. Был рукописный журнал, который ребята издавали, писали, но он в основном был, не затрагивал общественных, не затрагивал политических, значит, вопросы. И все было нормально.

Я принял участие в издании 6-го номера. А 6-й номер оказался самым криминальным. Собственно с ребятами я познакомился где-то в конце 42-го – начале 43-го года. Этот 6-й номер мы издали в апреле месяце 43-го года. Я закончил 8-й класс и, значит, уехал в Москву.

До встречи с Севой я стихи писал, до встречи с Севой я издавал свой журнал, который назывался «Сорока». Это юмористический журнал, ну, в общем такой без-, совершенно безобидный. Ну, когда мне было там 13 лет, 14 лет. Вот. А уже, ну, человек потихоньку растет, взрослеет, появляются какие-то мысли, а в основном, в основном критические мысли.

И где-то, значит, от взрослых слышали, что этого сказать нельзя, этого сказать нельзя. Сказать, что Иосиф Виссарионович тиран, нельзя – посадят. И так далее. То есть, мы, конечно, слышали, разговоры были.

Вот это мое стихотворение. Но оно написано уже после того, как мы издали 6-й номер:

И на море, и на суше всякий трудится как вол.
Говорят как можно глуше, на себя и власти зол.
Люд трудится без отрады, не жалея рук и спин,
А блаженствуют лишь гады и властительный грузин».

нам было, значит, по 15-16 лет. Мы были, конечно, экстремисты. Безусловно, мы были лихие, мы не боялись никого, ничего. Кроме того, кроме того, мы говорили: «А мы – несовершеннолетние! Нас не посадят».

Конечно, когда я приехал в Москву, и когда я маме все рассказал, она, конечно, была в ужасе. Она была в ужасе. Она сказала, что за такие штуки могут посадить. Она мне сказала: «Уничтожь все, за что могут посадить. Уничтожь те тексты, где упоминается наш вождь и так далее». (Смеется) Вот. Часть материалов, в частности в дневнике, я вымарал.

Арест и следствие

После того, как мама мне объяснила, я организовал в Москве группу по изданию нового журнала (Смеется) под названием «Идеи и действительность». Но выпустить этот журнал мне не удалось, потому что меня арестовали.

Приятель Севы Горшкова попросил у него почитать журналы «Налим», и Сева ему дал эти журналы. После этого Севу Горшкова 1-го декабря 43-го года арестовали. Значит, 21-го декабря арестовали меня. В Москве. 24-го или 25-го декабря в Горьком арестовали Юру Храмова. Ну, я сразу попал на Лубянку естественно. И ребят из Горького перевезли в Москву, и следствие вели в Москве.

Вот. Единственное, чего они добивались, это: кто нами руководил, мальчишками. Кто руководил мальчишками? Кто из взрослых, из учителей и так далее знал, читал, там подсказывал нам. Но ничего этого не было, и поэтому отстали.

Вот, ну, в конце концов, значит, в приговоре Севе Горшкову дали 10 лет, нам с Юрой и три года, да, три года с поражением в правах. Нам с Юрой дали по семь лет тоже с поражением в правах. На суде там долго спорили: давать ли поражение в правах или не давать, потому что защитник выступил и сказал: «Нельзя человека лишать того, чего он не имеет». Мы были несовершеннолетние. Мы не имели избирательных прав.

П.А.: Я прекрасно понимал, за что меня арестовали, потому что мне еще мама объяснила, что за такие вещи могут арестовать. Я это понимал, я не считал это несправедливым арестом, я даже так не считал.

К.А.: То есть, вы считали это справедливым?

П.А.: Я считал, что – да – я выступил против режима, я выступил против режима, и меня арестовали. Ну, а какая другая власть не арестует или не накажет за такие вещи?

13 лет в лагерях и в ссылке - Алтайский край и Колыма

Вот, это в принципе самый ужасный лагерь, с которым мне удалось познакомиться. Самый ужасный лагерь. Значит, три ангара. В каждом ангаре было человек по 500. Трехъярусные нары, голые. Значит, вот мы – тело к телу - спали на этих нарах. С питанием были перебои. То есть: сегодня дали, там, хлеб, а завтра хлеба не дали. Сегодня дали горячую пищу, а завтра ее не дали. То есть в этом лагере была сплошная доходилка, сплошная доходилка. Значит, в баню нас не водили, умывальников никаких не было. Такого количества вшей трудно себе представить. То есть полчища вшей. Никакого медицинского обслуживания не было. И вот это по существу единственный лагерь, где я видел трупы. То есть там умирали – от дистрофии, от недостатка питания, от отвратного питания, соответственно. От вшей, от грязи, от всего прочего. Значит, я об этом писал, туалетов не было. Значит, нас выпускали, и отхожее место было около барака, вдоль отхожее место. Рядом – женский барак. У них отхожее место – напротив. И мы садились напротив. Там сидят женщины, мы сидим здесь. Ну, я говорю, что хуже трудно придумать. Вот. И там, значит вот, там была смертность, там я видел трупы. Ну, это была зима. Проснешься – видишь: под нарами голый труп, потому что там уголовники были.

То есть уголовники там жили хорошо, хорошо питались, пьянствовали. Рядом женский барак, женщины, значит, какие-то женщины у них там на нарах были. Вот. Месяца через 2 стали наводить порядок

где-то в конце мая, в июне месяце оттуда стали отправлять, потому что заключенные были в таком состоянии, что их можно было только отправить на кладбище. А, значит, этапы оттуда отправляли в Чистюньский сельскохозяйственный оздоровительный лагерь.

Лагерь чистый, лагерь ухоженный. Значит, там не нары в бараках были, а вагонки. Значит, матрасы, подушки, простыни, то есть постельные принадлежности.

Кроме того, в зоне была, значит, баня. И соответственно карцер. А в середине зоны был (смеется) ну, что-то вроде парка со скамеечками, вот. То есть после всего, что я видел там в Вязьме, в Щелкове, в Бийске, ну, вообще, – это был оазис.

А начальником лагеря был бывший фронтовик, капитан, которого за какую-то провинность, как говорили, он был майором и ему понизили в звании до капитана и отправили начальником лагеря.

он считал: в карцере никто сидеть не должен. Все должны работать. И карцер был пустой. Вот. Потом он говорил: «Голодный человек работать нормально не может. Поэтому их нужно кормить».

из этого лагеря меня все-таки отправили, меня все-таки отправили.

отправили, отправили на Колыму. На Колыму на пароходе «Александр Невский».

Несколько месяцев я проработал в шахте. А это был мой последний год заключения, 7-й год. Вызывает меня зам. начальника лагеря.

Он говорит: «Прочитал я твое дело, с тобой поступили сурово», - говорит, - «я считаю, что детей надо воспитывать, а не сажать в тюрьму».

Освободили меня. Освободили меня в день рождения Сталина. Я это подчеркиваю. В день рождения Сталина меня освободили. 21-го декабря. Звучит? Звучит. А почему освободили в день рождения Сталина? (Смеется) Да потому, что меня посадили в день рождения Сталина. Так что об этом можно сказать по-разному. Можно: «Меня посадили в день рождения Сталина». Или: «Меня освободили.

Меня, значит, отправили в ссылку. До особого распоряжения. Когда я освободился из лагеря, весь поселок меня встречал. Вольнонаемные. (Смеется). Но я, я первый был, который освободился из этого лагеря.

Но мне уже было, когда я вернулся с Колымы, мне уже было – и поступил в институт – мне уже было 30. 30 лет.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011